

ПЯТЫЕ МАКЛАЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

12—13 апреля 1983 г. в Ленинградской части Института этнографии АН СССР состоялись Пятые Маклаевские чтения. За два дня было заслушано 16 докладов по проблемам истории, этнографии, литературы и языков народов Океании и Юго-Восточной Азии.

Традиционно Чтения открывает группа докладов, посвященных жизни и деятельности Н. Н. Миклухо-Маклая, судьбе его научного наследия. Докладываются результаты поисков материалов, которые проводятся в связи с подготовкой Собрания сочинений Н. Н. Миклухо-Маклая, рассматриваются новые задачи и проблемы в области маклаеведения.

Как установил Б. Н. Путилов (Ин-т этнографии, Ленинград), сохранившаяся рукопись дневника, который Миклухо-Маклай вел в 1871—1872 гг. на Новой Гвинее, представляет собой неавторизованную копию части подготовленного самим автором к печати первого тома своих трудов. В рукописи содержится обильная правка, внесенная Д. Н. Анучиным и другими публикаторами в конце XIX — первой четверти XX в. Докладчик рассказал о своей работе по восстановлению авторского текста этого выдающегося памятника. Он высказал предположение, что полевой дневник 1871—1872 гг. не был уничтожен вдовой Миклухо-Маклая и вместе с другими его бумагами попал в Русское географическое общество. Дальнейшая судьба оригинала дневника остается неизвестной.

Д. Д. Тумаркин (Ин-т этнографии, Москва) сообщил в своем докладе о результатах поисков материалов о жизни и деятельности Миклухо-Маклая, проведенных им в 1982 г. в архивах и библиотеках ГДР. В Архиве АН ГДР в Берлине докладчику удалось обнаружить 10 писем ученого Р. Вирхову и неизвестную фотографию Н. Н. Миклухо-Маклая. В Доме-музее Э. Геккеля в Йене хранятся девять писем Миклухо-Маклая Э. Геккелю и несколько писем последнего, в которых тот характеризует своего «усердного и талантливого ученика» Николая Миклухо. В архивах университетов Лейпцига и Йены выявлены данные об учебе там Н. Н. Миклухо-Маклая. Обширный документальный материал, полученный в Центральном государственном архиве ГДР в Потсдаме, освещает борьбу русского ученого-гуманиста против аннексии кайзеровской Германией северо-восточной части Новой Гвинее и начальный этап немецкой колонизации Берега Маклая. В библиотеках Берлина и Лейпцига докладчик ознакомился с отсутствующими в СССР книгами и статьями немецких миссионеров, где содержатся интересные сведения о культуре и быте папуасов Берега Маклая, о следах пребывания здесь «тамо русс».

В двух докладах рассматривались особенности полевой этнографической работы Миклухо-Маклая.

Н. А. Бутинов (Ин-т этнографии, Ленинград) отметил, что результаты полевых исследований во многом зависят от целей, которые ставит перед собой этнограф, от характера его концепций и гипотез, длительности его пребывания среди изучаемого народа и степени овладения им местным языком, от отношения этнографа к представителям данного народа и от отношения народа к этнографу. По мнению докладчика, полевая работа Миклухо-Маклая заслуживает самой высокой оценки. Он стремился улучшить жизнь изучаемых народов, боролся за их свободу и независимость. Целью экспедиций ученого была проверка его концепции о равенстве всех людей Земли. Он мог собирать информацию о людях Бонгу (Берег Маклая на Новой Гвинее), среди которых прожил три года, на их родном языке, к тому же он был там первым европейцем и изучал культуру бонгуанцев в ее не затронутом внешними влияниями виде. В папуасах Миклухо-Маклай видел таких же людей, как и он сам, и папуасы платили ему доверием и любовью. Добытые им этнографические сведения точны и являются ценнейшим вкладом в науку.

Те же мировоззренческие и научные принципы выявила Е. В. Ревуненкова (Ин-т этнографии, Ленинград) при изучении материалов Миклухо-Маклая по народам Малайзии. Она рассказала о неопубликованных при жизни автора сведениях о малайцах, которые имеются в дневнике путешествия Миклухо-Маклая по Малайскому полуострову и записных книжках того периода (политическая обстановка, этнографические детали быта, словесные характеристики мужчин и женщин, их портретные зарисовки). Записи свидетельствуют, что Миклухо-Маклай хорошо владел разговорным малайским языком, научился писать по-малайски в арабской графике. Возможно, в то время он был единственным русским ученым, владевшим малайским языком.

Два доклада затрагивали проблемы национальных меньшинств в Индонезии. Г. Н. Тюнь (ЛГУ) рассмотрела особенности китайского общественного движения в Индонезии в 1900—1914 гг. Массовое переселение китайцев в те районы Индонезии, где развивалось плантационное хозяйство и горнодобывающая промышленность, развернулось в последней трети XIX в. В общественном движении индонезийских китайцев, зародившемся в первые годы XX в., националистические тенденции усиливались по мере повышения культурного уровня этих иммигрантов, изменения их социально-профессиональной структуры и укрепления их связей с Китаем.

П. М. Мовчанюк (ЛГУ) в своем докладе предпринял попытку дать типологию антикитайских выступлений в независимой Индонезии и выделить их главные факторы. Антикитайские выступления 1959—1960 и 1965—1967 гг. вызывались мероприятиями властей и протекали при их поддержке. Эти выступления отразили сдвиги в структуре многоукладной экономики страны, изменения в характере государственной власти. Прочие антикитайские выступления носили локальный характер, были кратковременными, пресекались властями, опасавшимися перерастания их в антиправительственные

социальные движения. Индонезийская буржуазия пыталась направить социальный протест трудящихся коренных национальностей против эксплуатации в русло межэтнических противоречий, используя социокультурные особенности китайского меньшинства в условиях противоречивого развития индонезийского национализма.

Эти доклады сопровождалась продолжительной дискуссией по проблемам национальных движений, национальных меньшинств и социально-экономического развития стран Юго-Восточной Азии.

Е. С. Соболева (Ин-т этнографии, Ленинград) рассказала об узловых моментах истории анклава Окуси и его роли в истории о. Тимор (Восточная Индонезия). Особенности рельефа и наличие гавани издавна сделали эту область важным морским торговым пунктом. Тут возникли первые европейские поселения — католические миссии. В дальнейшем в анклав стала господствовать этносоциальная группа топасов (местное евразийское население), богатевшая на торговле сандалом. С изменением условий на международных рынках роль топасов уменьшилась, но они сумели сохранить авторитет среди местных племен и лишь номинально признавали власть Португалии, чьей колонией был Тимор. Через анклав Окуси началось проникновение на Португальский Тимор китайцев из Макао. В докладе показана динамика роли Окуси в разные исторические периоды четырех веков колонизации.

А. К. Оглоблин (ЛГУ) в докладе «Культурно-языковые ареалы в Западной Индонезии» выделил возможные признаки признаков межъязыковых и межкультурных контактов. С письменно-культурными контактами докладчик связывает в Западной Индонезии: 1) малайский ареал диффузии в раннем средневековье; 2) яванский — в позднем средневековье; 3) малайский — в позднем средневековье и в колониальный период; 4) современный индонезийский (центр на Яве, на малайской языковой основе). Другие типы контактов (торгово-обменные, миграционные) и связанные с ними заимствования в различные сферы языка, по мнению докладчика, имеют другие центры и не вполне соотносятся с этими ареалами (например, южносулавесийский и мадурский).

Сопоставляя письменный малайский героический эпос «Повесть о ханг Туахе» и цикл кхмерских плутовских сказок о Тхмень Тее, Б. Б. Парникель (Ин-т мировой литературы АН СССР, Москва) усмотрел в них ряд аналогий, выражающихся, в частности, в однотипном отношении главных героев к сюзеренам, своему государству и государю-сопернику. Он проанализировал более архаические в типологическом плане образы пунакаванов (панасаров) яванского и балийского кукольно-теневоего театра ваянг кулит, совмещающие в себе «охранительные» и шутовские функции, и пришел к выводу, что «Повесть о ханг Туахе» и цикл о Тхмень Тее могут рассматриваться как поздние («государственные») дериваты близнечного мифа, где герои образуют с сюзеренами пары, обеспечивающие безопасность Малаккского султана и Кампучии.

Целью сообщения Е. В. Ивановой (Ин-т этнографии, Ленинград) было показать реакцию обществ малых народов Северного Таиланда на нарушение норм обычного права и методы осуществления контроля за соблюдением этих норм. Самой крупной единицей таких обществ является деревня, основной ячейкой в деревне — семья (домохозяйство). Несмотря на интеграцию в тайское государство, незначительная роль представителей государственной власти в решении внутренних проблем в обществах бесписьменных народов Северного Таиланда свидетельствует о сохранении в относительно нетронутом виде традиционных норм общественной жизни.

К. Ю. Мешков (Ин-т этнографии, Москва) сопоставил негритосов Филиппин с другими низкорослыми жителями региона (в частности, с некоторыми папуасскими племенами). Еще Миклухо-Маклай обратил внимание на то, что они имеют некоторые сходные черты (антропологические особенности, манеру поведения, песни и танцы и пр.). Другие элементы культуры (наличие лука и отсутствие копья, рубцевание кожи, музыкальное бревно, особые системы терминов счета) сближают негритосов Филиппин с далеко от них проживающими народами, например с айнами.

М. Ф. Чигринский (ВГО, Ленинград) рассказал о путешествии в 1908 г. на Тайвань русского врача А. К. Мольтрехта. Он всю жизнь занимался энтомологией и орнитологией Дальнего Востока, и главной целью его поездки на Тайвань было исследование палеоарктической фауны, которая могла сохраниться в условиях высокогорья. Кроме того, его интересовали вопросы медицины и физиологии аборигенов — гаошень. А. К. Мольтрехт пробыл на Тайване дольше других русских путешественников (П. Ибиса и Н. А. Невского), оказывал медицинскую помощь местному населению и оставил ряд интересных этнографических наблюдений о племенах пайванов, ами, цоу, бунун (вонун), атайял. Он дал краткое описание жилища, одежды, брачных и похоронных обычаев, привез уникальный фотоснимок: два аборигена братаются кровью убитого врага. Большое внимание А. К. Мольтрехт уделил описанию обычая охоты за головами, трактуя его и как обычай лечебной магии.

Т. К. Шафрановская (Ин-т этнографии, Ленинград) информировала слушателей об одном из первых в России известий о Японии XVIII в., появившемся в книге И. Г. Георги — адъюнкта по химии Петербургской академии наук с 1776 г. Книга вышла в 1775 г. на немецком языке и сейчас является библиографической редкостью. Японцы, потерпевшие кораблекрушение, преподавали в 1772 г. в Иркутске японский язык и ответили на вопросы И. Г. Георги о географическом положении, флоре и фауне страны, полезных ископаемых, основных видах сельскохозяйственных культур и домашнего скота, основных занятиях населения; охарактеризовали японский государственный строй, суд, жилище, одежду, пищу, религию и обычаи населения. Среди немногочисленных русских книг XVIII в., повествующих о Японии, сообщение И. Г. Георги было первым, полученным непосредственно от японцев.

Доклад А. Я. Массова (Ленинградский кораблестроительный ин-т) был посвящен австралийской колонизации Новой Гвинеи в 1914—1921 гг., когда с захватом Германской Новой Гвинеи было положено начало новому этапу в истории австралийского колониализма, заложены основы австралийской колониальной политики. Экономическая политика оккупационных властей была направлена на дальнейшее развитие сформировавшейся при немцах системы плантационного хозяйства, но с переадресовкой экспорта на австралийский рынок. Недостаточно эффективный, громоздкий колониальный аппарат был не в состоянии контролировать вербовку туземных рабочих, которая часто сопровождалась кровавыми эксцессами. Военные власти распространили на территорию бывшей Германской Новой Гвинеи расистскую политику Белой Австралии.

Доклад И. К. Федоровой (Ин-т этнографии, Ленинград) был посвящен сложному комплексу древних верований полинезийцев и их представлениям о человеке, жизни и смерти. На основе анализа древнейших космологических мифов показана универсальность ранних представлений о рождении человека, его духовной сущности, в том числе о множественности душ. Понятие вечной и бессмертной души — порождение религии раннеклассового общества. Вся система взглядов полинезийцев на человека и природу весьма пластична и легко реагирует на изменения социально-экономической системы общества.

Сообщение Н. З. Климовой (Ин-т этнографии, Ленинград) было посвящено идентификации перьевой накидки (МАЭ № 2520-8), доставленной участниками третьей экспедиции Дж. Кука, вероятно, с северо-западного побережья Северной Америки. Этот предмет не имеет аналогов в музейных собраниях XVIII в. Как полагает докладчик, накидка по технике изготовления сходна с гавайскими перьевыми изделиями. Автор считает, что из предполагаемых районов происхождения следует исключить Калифорнию. Наиболее убедительной представляется точка зрения Ф. Дракера (США), нашедшего подобный предмет во время полевых исследований у племени магауков. Накидка из коллекции МАЭ действительно имеет с этим предметом большое сходство по материалу и технологии изготовления.

Пятые Маклаевские чтения вызвали большой интерес, прошли в творческой обстановке. Большое значение имели плодотворные дискуссии, развернувшиеся по ряду докладов.

Следующие Маклаевские Чтения состоятся в апреле 1984 г.

Е. С. Соболева

ЗАСЕДАНИЕ, ПОСВЯЩЕННОЕ ПАМЯТИ ФЕДОРА ФЕДОРОВИЧА АРИСТОВА

3 мая 1983 г. состоялось заседание Этнографической комиссии Московского филиала Географического Общества СССР, посвященное 95-летию со дня рождения крупного советского ученого — слависта и востоковеда, профессора Московского университета, члена Географического Общества СССР Федора Федоровича Аристова (1888—1932)¹.

С докладом о его жизни и деятельности выступила Т. Ф. Аристова², которая в протяжении многих лет занимается изучением историко-этнографического и литературного архива ученого. Надо сказать, что именно благодаря ей был сохранен и значительно пополнен этот уникальный архив.

Ф. Ф. Аристов не успел издать большую часть своих трудов (он умер в расцвете творческих сил 44 лет от роду), но судя по сохранившимся рукописям и архивным материалам³, это был яркий, бескомпромиссный и бескорыстный исследователь, педагог и пропагандист отечественной науки. История, этнография, литературоведение, языковедение, география, музееведение, археология — таков далеко не полный перечень отраслей знания, привлекавших его внимание.

Ф. Ф. Аристов родился 14/26 октября 1888 г. в г. Варнавино Костромской губернии. Демократические и гуманистические традиции он воспринял от своего отца — профессора Петербургской медико-хирургической академии, оставившего кафедру ради практической деятельности.

У мальчика рано пробудился интерес к гуманитарным наукам. Еще в детстве он серьезно и с увлечением занимался историей, литературой, географией, изучал западные языки.

В 1907 г. Ф. Ф. Аристов закончил Первый Московский кадетский корпус. Высшее образование он получает, занимаясь одновременно в Московском университете на Историко-филологическом факультете и (в качестве слушателя) в Московском коммерче-

¹ Аналогичное заседание состоялось в Ленинграде 28 января 1983 г. в Отделении этнографии Географического Общества СССР.

² Т. Ф. Аристова — дочь Ф. Ф. Аристова, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнографии АН СССР.

³ Интерес представляют, например, письма Ф. Ф. Аристова к А. М. Горькому, акад. С. Ф. Ольденбургу и другим видным деятелям отечественной культуры, хранящиеся в Центральном государственном архиве литературы и искусства (ф. 140, оп. 1, ед. хр. 92) в Москве и в Архиве АН СССР (ф. 2, оп. 1, д. 5) в Ленинграде.